

Глава 36. Машина

Стоило ему на мгновение отвлечься, как лезвие задело мизинец, оставив сантиметровый порез.

Выступила кровь и капнула на жир-сырец. Вспомнив правило о том, что «кровь повышает ценность жира-сырца», Се Юньчжу не отдернул руку и продолжил работать как ни в чём не бывало.

Но пока лезвие взлетало и падало, едва ухваченная нить мысли окончательно ускользнула.

Кровь на молочно-белом жире-сырце напоминала алые цветы сливы на снегу — яркая до боли в глазах. Эта картина потекла дальше по конвейеру, и все, кто стоял ниже по линии, оторвались от своей монотонной работы и с ужасом посмотрели на него.

Ми Янь, увидев кровь, так разволновался, что готов был сам броситься на его место, но он был слишком мал и до конвейера мог дотянуться, только встав на ящик...

Подавленность, тревога и боль переполняли его сердце. Он чувствовал, что если не найдёт утраченное в ближайшее время, то потеряет его навсегда.

Время, казалось, замедлилось до бесконечности. Се Юньчжу никогда не думал, что утро может быть таким мучительным. Руки онемели, ноги приходилось постоянно переставлять, чтобы удержаться на месте, а в голове нарастала тупая боль. Он посмотрел на часы — было всего девять утра!

Внезапно Майкл не выдержал и закричал:

— Штрафуйте, сколько хотите, мне нужно в туалет!

В рабочее время покидать пост было запрещено, ведь конвейер никого не ждал. Опытные рабочие, вроде супругов Чжан, привыкли заранее ходить в туалет и пить меньше воды, но остальные об этом не подумали.

К счастью, фабрика проявила «человечность». Робот-надзиратель объявил:

— За разговоры — штраф сто. За посещение туалета — сто юаней в минуту. Отсчёт пошёл: один, два, три...

Майкл сорвался с места и помчался в уборную.

Се Юньчжу без колебаний бросил работу и тоже направился туда. Робот-надзиратель тут же

начал отсчитывать и его время. Директор Сун, словно предвидя его попытку саботажа, добавил:

— В день на туалет отводится не более пяти минут. За каждую минуту сверх лимита — час неоплачиваемой сверхурочной работы после смены.

Се Юньчжу сжал кулаки, но ничего не сказал. Он сходил в туалет, смыл кровь с пальца ледяной водой и плеснул себе в лицо. В грязном зеркале отразилось его бледное, бескровное лицо. Капли воды стекали по подбородку, а в сумрачно-синих глазах застыла пустота.

В этот момент он был уверен, что на его лице должно было появиться некое выражение, связанное с «самоиронией», но знакомое чувство утраты нахлынуло вновь. В итоге он лишь безразлично смотрел на своё отражение, и в голове пронеслись три слова:

«Это конец».

Он попал в самый ненавистный тип подземелий — тот, что доводит до физического и ментального предела. Выживают здесь лишь те, кто привык к тяжёлому труду, выносливые «рабочие лошадки» и мастера стрессоустойчивости — полная его противоположность. В таком режиме он продержится максимум три дня, а потом либо сам прыгнет в чан с жиром, либо столкнёт туда директора Суна, чтобы лезвие разрезало его на шестнадцать ровных кусков...

Нужно найти другой способ пройти подземелье, нельзя идти у него на поводу.

Для начала нужно понять цель этой фабрики и самую очевидную аномалию — что именно она у них забирает?

Он вспомнил утренние «истории» сестры Кун, раздражающего с самого утра Ми Яня, и по какой-то причине пораненные губы Лянь Пинляна...

— Тук-тук-тук! — грубый стук в дверь прервал его размышления. — Номер четыре, номер шесть, быстро выходите!

Не прошло и двух минут.

Майкл, подтягивая штаны, выскочил из кабинки. Се Юньчжу вышел следом, медленно вытирая руки о рабочую форму. Он заметил, что на его участке работа не скопилась — Ми Янь подставил ящик и трудился вместо него!

Мальчик, на удивление, работал довольно быстро и ловко. Присмотревшись, Се Юньчжу понял, что тот использует свои щупальца. Они не боялись лезвия — разрезанные, они тут же срастались вновь. Вот только ребёнок морщился от боли.

Се Юньчжу, не раздумывая, подошёл, схватил его за шиворот и поставил на пол, сам заняв место у конвейера.

Ми Янь смотрел на него покрасневшими глазами, он так хотел помочь. Се Юньчжу вздохнул, быстро щёлкнул его по лбу и беззвучно произнёс: «Думай».

«Когда я в тупике, думать — твоя очередь».

/

В двенадцать часов прозвучал сигнал обеда. Конвейер резко остановился, но руки у всех ещё какое-то время продолжали двигаться по инерции.

Лянь Пинлян, молчавший шесть часов, издал яростный вопль. Остальные подхватили:

— Наконец-то свобода!

— Умираю с голоду! Есть хочу!

— Невыносимо, а-а-а-а!

Ещё вчера они с презрением слушали вой из соседнего корпуса, а всего за одно утро сами превратились в таких же воющих призраков.

Когда они замолчали, крики не прекратились. Все замерли, прислушиваясь. Вой доносился издалека, даже не из общежития №5, а откуда-то дальше, из-за пределов фабрики!

Этот жуткий звук продолжался целых десять минут, прежде чем стихнуть. Все были в замешательстве и страхе. Люди в этом мире определённо были не в себе.

Сестра Кун принесла обед. Содержимое контейнеров было точь-в-точь как вчера, но на этот раз многие набросились на еду без раздумий — они были слишком голодны.

Се Юньчжу не кричал — у него просто не было сил. Отбросив контейнер в сторону, он сел на ящик и, уставившись в пол, тяжело дышал. Голова была как раскалённый котёл, полный белого пара.

Шесть часов непрерывной, предельно сконцентрированной работы вымотали всех до полусмерти. Ми Янь с сочувствием взял его руку и достал из своего рюкзака пластырь, чтобы заклеить порез.

— Не надо, с ним пальцы будут менее гибкими, это помешает. Просто обработай рану, — отмахнулся Се Юньчжу. — Ты там полдня гримасничал. Что-нибудь придумал?

Ми Янь редко напрягал мозг. Рядом с Се Юньчжу ему достаточно было быть послушным спутником. Но свежий, незамутнённый разум работал быстро. Он кивнул.

— Мне кажется, я потерял одно выражение лица.

— Почему именно выражение лица?

— Потому что с утра мне стало трудно выражать эмоции. Я как будто перестал быть собой, — ответил Ми Янь.

— Хм, но передавать эмоции можно не только мимикой, но и жестами, и словами, — Се Юньчжу жевал прессованное печенье. — Твоё предположение меня не убедило.

— У меня есть и другие доказательства, — тут же возразил Ми Янь. — Утром, когда сестра Кун закончила рассказывать, она ведь наблюдала за нашими лицами. Думаю, в тот момент она что-то проверяла.

Се Юньчжу не ожидал, что тот обратит внимание на такую деталь.

— Отлично, продолжай.

— И это «выражение», скорее всего, связано со ртом, — продолжил анализ Ми Янь. — Потому что я не могу вспомнить, почему у Лянь Пинляна была ранена губа. Возможно, он изобразил какое-то запрещённое выражение лица, за что и был наказан. Это наказание мешает ему даже открывать рот.

— Неплохо, — щёлкнул пальцами Се Юньчжу. Хотя пока что Ми Янь не сказал ничего, до чего бы он не додумался сам, для маленького глупыша, который умел только глупо ■, это было уже достижением...

Услышав похвалу, Ми Янь поднял голову. Его глаза были широко раскрыты, губы сжаты в тонкую линию. Он выглядел немного растерянным — очевидно, он тоже переживал то знакомое чувство «потери».

Се Юньчжу коснулся его губ, по-разному их изгибая, и наконец растянул уголки вверх.

— Мне кажется, вот так.

— Так? — Ми Янь застыл со странным и незнакомым выражением на лице, сохраняя изгиб губ.

— Да, выглядит немного глупо, но приятно. Главное, что это очень простое движение, но в моей голове нет для него никакого определения, — Се Юньчжу постучал по своей пустой голове, но ничего нового оттуда не извлёк. Возможно, одного «выражения» было недостаточно, требовалось искреннее «чувство».

Обсуждение пришлось прервать — получасовой перерыв закончился. Фабрика давала им лишь короткую передышку, чтобы они не умерли прямо у конвейера.

Се Юньчжу обнаружил, что его онемевшие руки на удивление быстро привыкли к ритму работы. Утром он поранился, а днём лезвие уже почти не задевало его. Всё превратилось в мышечную память, в привычку, словно он был не живым человеком, а машиной.

И как раз в тот момент, когда он решил, что приспособился, раздался сигнал, загорелся жёлтый свет, и весь конвейер начал ускоряться!

Три острых лезвия опускались с бешеной скоростью!

Се Юньчжу отдернул руку с самой быстрой реакцией в своей жизни, едва успев спасти её от превращения в четыре части. Не успев прийти в себя, он был вынужден разбирать навалившуюся работу. Каждое движение под лезвием было риском. Ладони вспотели от холодного пота, сердце колотилось, пока он играл со смертью наперегонки с конвейером.

Вокруг слышались сдавленные стоны — это были всхлипывания работников, не смевших издать ни звука, но не выдерживавших нагрузки. Они напоминали гудение перегруженных машин.

Но как машины, они были обречены работать на пределе эффективности. Конвейер под жёлтым светом продолжал ускоряться. Многие из них, вероятно, впервые открывали в себе такие безграничные таланты. Они уже были на грани, но пока лента двигалась, они могли двигаться ещё быстрее. Разум был на грани безумия, но тело само по себе продолжало работать и бороться.

За такой день они зарабатывали двести десять юаней. Каждая копейка была пропитана кровью и потом.

Се Юньчжу не помнил, как пережил вторую половину дня. Тело болело так, будто вот-вот развалится, глаза налились кровью — лезвия двигались так быстро, что под конец он видел лишь смазанные силуэты и действовал на чистом инстинкте.

Ужин был в шесть, затем полчаса отдыха и снова работа до девяти. По словам директора Суна, их рабочий день считался ещё коротким.

На ужин было небольшое разнообразие — каждому выдали по фрукту. Он походил на яблоко, но был неестественно красным и совершенно не пах свежестью.

На этот раз Се Юньчжу откусил. По правилам, если подземелье длится больше месяца, еда в нём, скорее всего, безопасна. У него с собой был запас провизии лишь на семь дней, так что рано или поздно придётся есть местную пищу. Лучше привыкнуть заранее.

Рот наполнила приторная сладость, мякоть была водянистой и мягкой, как мокрая вата. Только сильный голод позволил ему проглотить это.

Директор Сун ел вместе со всеми, наслаждаясь каждым кусочком своего яблока, словно это был деликатес.

— Это отборный товар с Яблочной Фабрики, даже горожанам его трудно достать, — он упивался ароматом. — Вы — новые работники, поэтому вам предоставляются лучшие льготы. Даже когда попадёте в город, не забывайте о благодарности.

— ...

Чистильщики молчали. «В каком же аду находится этот Город Радости?» — думали они. Если бы Адам и Ева съели такое яблоко, они бы обрели не мудрость, а анорексию.

Се Юньчжу съел половину невкусного яблока, а вторую отдал Ми Яню. Он размышлял: «Назвал бы кто-нибудь место, где растут яблони, "Яблочной Фабрикой"? Это название не вызывает аппетита, а лишь ассоциируется с холодными цехами и конвейерами».

Что же это за место — Город Радости?

Этот рабочий день окончательно укрепил его решимость сбежать. Основная задача гласила лишь «покинуть», но не уточняла способ.

Работать он не собирался. Ни за что в жизни.

Ми Янь держал в руках половинку яблока, о чём-то задумавшись. Внезапно он поднял голову, его золотые глаза засияли.

— А Чжу, я придумал способ!

<http://bllate.org/book/15884/1588859>